

**РУССКИЕ БЕРДЫШИ И «ТОПОРКИ» ИЗ СИБИРСКИХ МУЗЕЕВ
И ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ ДЛИННОДРЕВКОВОГО УДАРНО-РУБЯЩЕГО
ОРУЖИЯ В СИБИРИ В XVII ВЕКЕ***

В статье рассмотрены бердыши и топорки из музеев Сибири. Эти топоры на длинных рукоятях с месяцевидным и трапецевидным бойком входили в состав комплекса вооружения русских воинов в Сибири в XVII в. На основании анализа вещественных, изобразительных и письменных источников показано, что роль бердышей в комплексе вооружения русских служилых в Сибири была ниже, чем в европейской части страны. Это было обусловлено особенностями системы снабжения, а также спецификой военно-политической ситуации в регионе. В наибольшей степени бердыши и топорки были востребованы в ходе обороны крепостей и острогов, в столкновениях с пешими ополчениями таежных племен Сибири. В борьбе с панцирной конницей ойратов, енисейских кыргызов и монголов бердыши были мало эффективны.

Ключевые слова: Сибирь, XVII в., бердыш, боевой топор, применение.

Проблема выявления роли длиннодревкового ударно-рубящего оружия в комплексе вооружения русских служилых людей в Сибири и особенности его применения в ходе боевых действий в регионе в XVII в. представляют значительный интерес. Ярким элементом русского оружейного комплекса позднего средневековья и раннего нового времени были бердыши, традиционно привлекавшие к себе внимание отечественных и иностранных ученых (см.: [Историческое описание одежды..., 2008. С. 33, 41; Бехайм, 1995. С. 267, 268; Винклер, 1992. С. 287–288; Богоявленский, 1938. С. 269–289; Марголин, 1948. С. 88; Кирпичников, 1976. С. 22, 23; Летин, 2002. С. 17; Писарев, 2005. С. 57–60] и др.). Однако специальное исследование, основанное на комплексном анализе вещественных, изобразительных и письменных источников, появилось только в 2008 г., когда А. Е. Писарев, обобщив данные по нескольким десяткам бердышей, хранящихся в российских и иностранных музеях, сопоставил их с материалами изо-

бразительных и письменных источников, выделил основные типы и варианты этого вида оружия [Писарев, 2008]. Тем не менее не все бердыши из отечественных собраний оказались включены в классификационные схемы. Целью данной статьи является введение в научный оборот бердышей и топорков из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ), Новосибирского краеведческого музея, Краеведческого музея г. Ачинска и Красноярского краевого краеведческого музея. Фотография «новосибирского» бердыша была представлена в работе А. Е. Писарева, но без указания основных размеров и особенностей оформления [2008. С. 20]. Изображения топорков из музеев Красноярского края были приведены Л. А. Бобровым и Ю. С. Худяковым в книге, посвященной военному делу народов Центральной Азии и Южной Сибири, но также без детального описания [Бобров, Худяков, 2008. С. 309. Рис. 19–21, 96, 707]. Наконец, бердыш из ТГИАМЗ ранее не публиковался.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-01-00258а).

Бердыш был важным элементом вооружения русских воинов XVII в. Он представлял собой топор с вытянутым месяцевидным бойком (пером, лезвием), насаженным на длинное (около 1,5 м) деревянное древко («ратовище»). В своей нижней части лезвие переходило в вытянутую «косицу», прибивавшуюся к древку. Таким образом, топор фиксировался на ратовище в двух местах – у втулки и у «косицы» (рис. 1, 1, 2). К бердышам примыкает другая разновидность русского ударно-рубящего оружия на длинном древке, известная как топорки. Последние отличались от бердышей более коротким лезвием (не более 30 см) и часто отсутствием «косицы» (рис. 1, 3). Частым добавлением к бердышам и топоркам были погонный ремень (позволявший носить оружие на плече или за спиной) и копьевидный вток, благодаря которому древко можно было воткнуть в землю и освободить руки, например, для перезарядки пищали (рис. 1, 1–3).

На основании особенностей оформления пера бердыши традиционно делятся на два основных типа: «полулуние» (с острием) и «полулуние с развитым пером» [Писарев, 2008. С. 19]. Лезвия бердышей первого типа имеют месяцевидную форму и заканчиваются постепенно сужающимся к острию пером (рис. 1, 1). Перо бердышей второго типа, напротив, расширяется к концу и имеет характерный вогнутый срез (рис. 1, 2). Рассматриваемые в статье бердыши относятся к разным типам.

Лезвие бердыша из Новосибирского краеведческого музея, поступившего на хранение 25 октября 1956 г. (акт № 292) и определенного как «бердыш XVII в.» (в настоящее время он проходит в описи под № 9709), имеет характерную месяцевидную (С-образную) форму (рис. 1, 4; 2, 1). Общая длина лезвия 58,2 см, в том числе длина пера (от втулки до острия) 23,6 см, максимальная ширина лезвия 16,0 см. Расстояние от обуха до основания пера 7,0 см. Толщина лезвия у обуха 1,9 см, у острия – 0,4 см. Изгиб «ножевидного» пера выражен слабо (острие не выходит за обух). Отверстия на «тупье» (тыльной стороне) лезвия отсутствуют. Каплевидная в сечении втулка (высота 5,4 см, ширина в нижней части 2,3 см) (рис. 1, 4а) расположена, в отличие от большинства известных бердышей, не посередине, а несколько выше середины лезвия.

Она крепится к древку (новодел) с помощью трех вертикально расположенных гвоздей с полусферическими шляпками (рис. 1, 4б). Задняя часть обуха оттянута вниз. Характерной чертой оформления бердыша является короткая (4,3 см) загнутая косица, фиксируемая кожаным ремешком. Лезвие бердыша имеет повреждения (зазубрины, вдавленности) – следы ударов по твердой поверхности. Бердыши схожей конструкции и системы оформления хранятся в музее «Новодевичий монастырь» и Тверском краеведческом музее [Писарев, 2008. С. 20]. Сопоставление «новосибирского» бердыша с аналогами из музейных собраний России и стран СНГ действительно позволяет соотнести его с комплексом вооружения русских воинов XVII в. Многочисленные изображения бердышей данного типа встречаются на рисунках Ремезовской летописи (выполнены в конце XVII – начале XVIII в.) [Сибирские..., 2008]. Последний факт позволяет утверждать, что русские служилые люди в Сибири применяли такие бердыши на протяжении рассматриваемого периода.

Бердыш из ТГИАМЗ относится ко второму типу («полулуние с развитым пером»). Размеры не установлены. Перо бердыша расширяется к концу и имеет характерный вогнутый срез (рис. 1, 5; 2, 2). Изгиб пера средний (острие незначительно выходит за обух). Само острие широкое. Втулка с оттянутым вниз обухом расположена примерно посередине лезвия. В нижней части лезвие постепенно сужается, а затем резко переходит в очень длинную косицу (рис. 1, 5). Вдоль края тыльной стороны лезвия пробиты 16 сквозных отверстий (девять в нижней части, семь в верхней). Данная форма лезвия характерна для русских бердышей XVII в. и имеет многочисленные аналоги в отечественных и зарубежных собраниях [Писарев, 2008. С. 22, 23]. Однако лезвие из ТГИАМЗ имеет декоративный элемент, который отсутствует на других известных бердышах – это оригинальное оформление его тыльной стороны. Она имеет полукруглые фестоны, перемежающиеся двумя острыми зубцами (рис. 1, 5а). Оформленное фестонами (но без зубцов) «тупье» фиксируется только на рисунке бердыша или топорка в книге А. В. Висковатова [Историческое описание одежды..., 2008. Рис. 68]. Бердыши с «развитым пером» встречаются на рисунках Ремезовской летописи значи-

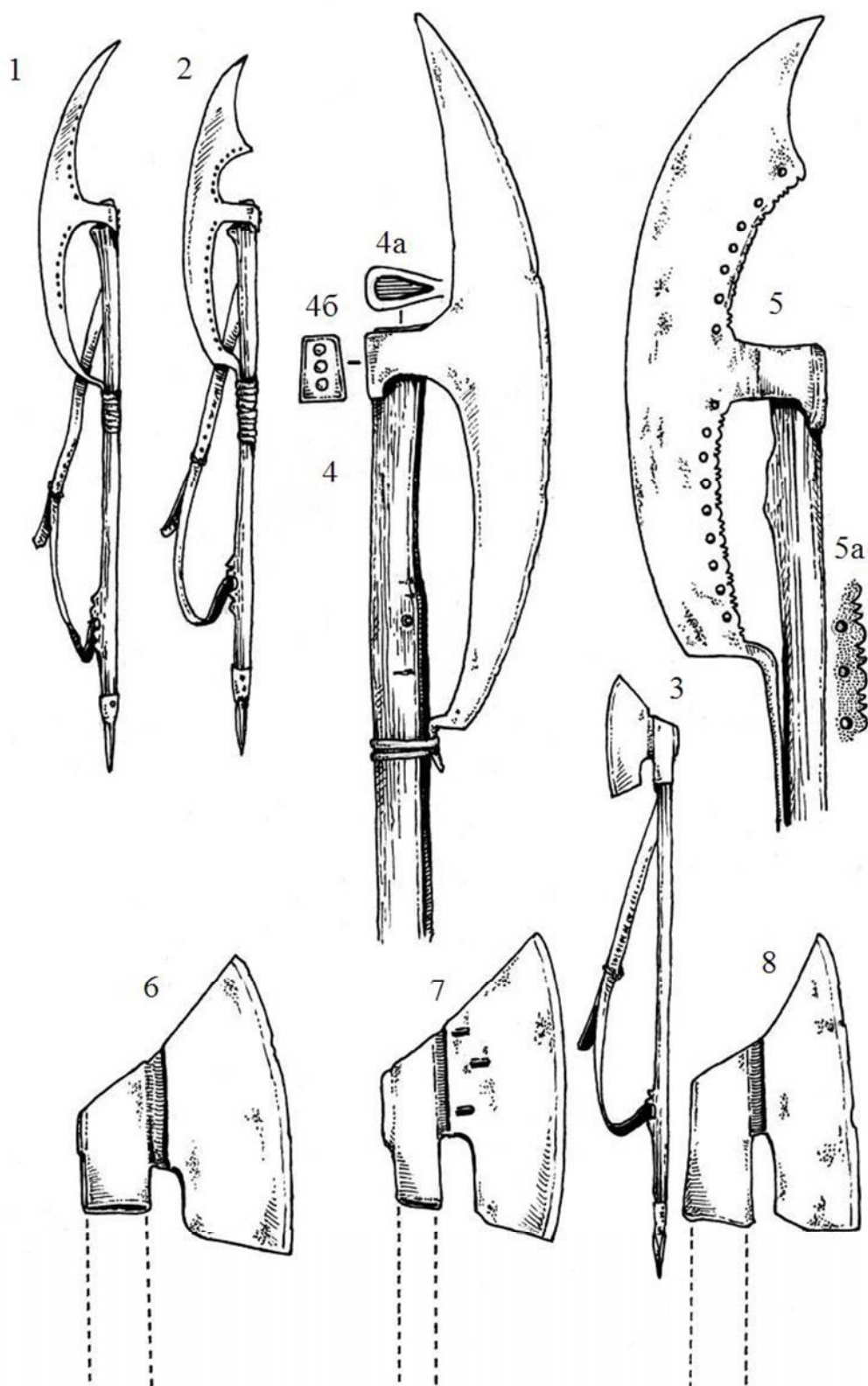

Рис. 1. Русские бердыши и топорки XVII в.: 1 – бердыш первого типа, реконструкция; 2 – бердыш второго типа, реконструкция; 3 – топорок, реконструкция; 4 – бердыш из Новосибирского краеведческого музея (4а – втулка бердыша, вид сверху; 4б – втулка бердыша, вид сзади – обух); 5 – бердыш из ТИАМЗ (5а – элемент тыльной стороны лезвия); 6, 7 – топорки из Красноярского краеведческого музея; 8 – топорок из Ачинского краеведческого музея (рисунки Л. А. Боброва)

Рис. 2 (фото). Бердыши XVII в. из Новосибирского краеведческого музея и Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника: 1 – бердыш из Новосибирского краеведческого музея, вид слева; 2 – бердыш из ТГИАМЗ, вид слева (фото Л. А. Боброва)

тельно реже своих С-образных аналогов, а их изображения более стилизованы.

Кроме бердышей, в музейных собраниях Сибири, в частности, в Красноярском и Ачинском краеведческих музеях, хранятся топорки (рис. 1, 6–8). Все они имеют массивную длинную цилиндрическую железную втулку с более или менее выраженным выпуклым обухом. Широкое тяжелое лезвие (боек) имеет характерную форму неправильной трапеции. Верхняя часть лезвия резко вздымается под углом вверх, а нижняя спускается ниже втулки. Между лезвием и

обухом пропущена глубокая «канавка». Поверхность лезвия одного из топорков украшена тремя короткими горизонтальными (не сквозными) прорезями (рис. 1, 7). В европейской России преобладали топорки с месяцевидным лезвием [Писарев, 2008. С. 19], однако встречались и их трапециевидные аналоги [Богоявленский, 1938. С. 273]. Последняя разновидность топорков по форме лезвия занимает промежуточное положение между боевыми топорами и бердышами. Изображения топорков в Ремезовской летописи немногочисленны, часть из них имеет

месяцевидное, а другие – трапецевидное лезвие. Материалы оружейных собраний дают примеры переделки бердышей в топорки [Писарев, 2008. С. 24]. Нечто подобное мы встречаем и на ремезовских рисунках [Сибирские летописи..., 2008]. По совокупности признаков топорки могут быть датированы XVII в. и соотнесены с комплексом вооружения русских служилых людей.

Бердыши играли важную роль в комплексе вооружения стрельцов, солдат, драгун и ополченцев европейской части России XVII в. Пик популярности этой разновидности длиннодревкового ударно-рубящего оружия пришелся на вторую половину столетия. Комплексный анализ источников позволяет выявить роль бердышей в военном деле русских служилых людей в Сибири того же периода. В XVII в. их использовали не только стрельцы, но и солдаты полков «нового строя», драгуны, казаки и даже ополченцы из числа набранных в «посоху» крестьян [Писарев, 2008. С. 15]. Интересно, что, вопреки расхожему мнению, ареал распространения бердышей во второй половине XVII в. не ограничивался Западной Сибирью, наиболее близкой к европейской части страны, из которой и поступала основная масса длиннодревкового ударно-рубящего оружия. Бердыши применялись и в Восточной Сибири, и на крайнем Севере, и даже на Дальнем Востоке. О фактах использования бердышей русским населением Западной и Восточной Сибири свидетельствует царский указ от 14 марта 1675 г., который запрещал местным служилым людям продавать бердыши и другое вооружение «Калмыком, и Мугалом, и Китайским людем, и Бухарцам, и Башкирцом, и всяким иноземцам» [Дополнения к актам историческим, 1857. С. 375]. Более двух десятков изображений бердышей (вместе с топорками) фиксируется на рисунках Ремезовской летописи, причем вооруженные ими воины находятся в самом эпицентре сражения и нередко составляют основу композиции рисунка. Захваченный в качестве трофея или полученный в ходе торгового обмена русский бердыш хранился в языческом капище на полуострове Ямал [Писарев, 2008. С. 23]. Остатки ударно-рубящего оружия русского производства обнаружены в Якутии. Дальневосточные арсеналы насчитывали по несколько десятков и даже сотен единиц этого

вида оружия. Так, в 1684 г. в Нерчинске и в пяти окружающих его «острожках» хранились 524 экз. «бердышей и пик» [Епифанов, 1981. С. 78]. В отряде А. Кондратьева, направлявшегося в 1685 г. в русский форпост в Приамурье – Албазин, в «запасе» находились «10 пищалей, 300 кремней пищальных, 43 бердыша с ратовищи». В том же году албазинские казаки получили в арсенал 50 бердышей [Багрин, 2009. С. 65]. В 1689 г. Ф. Головин послал на встречу цинскому посольству «Московского полку... строим 300 человек без саналов, с саблями, з бердышами и с копьями...». В сдаточной описи предметов вооружения, вывезенных пятидесятником В. Смиренниковым из Албазина в ноябре 1690 г., упомянуты «368 бердышов целых» и «57 бердышов ломаных». В 1699 г. в арсеналах 19 сибирских городов хранилось 2013 бердышей [Смирнов, 1998. С. 106, 107].

По сравнению с бердышами, топорки упоминаются в письменных источниках значительно реже [Сборник документов..., 1960. С. 139]. Возможно, что в ряде документов они «замаскированы» авторами отписок под именем «топоры дорожные», «топоры длинные» и др. Отдельные изображения топорков встречаются на рисунках Ремезовской летописи [Сибирские летописи..., 2008].

По мнению Е. А. Багрина, рассмотревшего комплекс вооружения русских служилых в Сибири на базе письменных и изобразительных источников, «бердыш, имевший широкое хождение в европейской России в среде стрелецких войск, упоминается практически только в описях оружейной казны острогов, а так как в казне было нерозданное оружие (не востребованное служилыми), то употребление его сводилось к обороне острожных стен» [Багрин, 2008. С. 296]. Подобная оценка представляется в значительной степени справедливой. Комплексный анализ источников свидетельствует, что в целом распространенность бердышей и топорков среди служилых в Сибири, действовавших «в поле», была ниже, чем у их соратников, несших службу на западных границах Российского государства. Причина этого крылась в особенностях снабжения и военных реалиях региона.

В европейской России производство бердышей было диверсифицировано и осуществлялось как на государственных пред-

приятнях, так и в рамках «частно-государственного» партнерства. Так, «лучшие» бердыши в массовом порядке изготавливались на тульских и каширских заводах «из немецкой стали» [Богоявленский, 1938. С. 267], причем в Туле даже работали мастера, специализировавшиеся на производстве этой разновидности длиннодревкового ударно-рубящего оружия. Такие оружейники именовались в документах XVII в. «кузнецами бердышевого дела» [Писарев, 2008. С. 15]. В случае необходимости повинность по изготовлению бердышей могла быть возложена на монастыри [Богоявленский, 1938. С. 267]. Наконец, известное распространение имела практика самостоятельного производства бердышей на местах силами городских и деревенских кузнецов. В результате бердыши получили широкое распространение не только среди стрельцов и солдат, но и среди ополченцев [Там же. С. 267–269]. Центральные власти старались унифицировать производимое длиннодревковое ударно-рубящее оружие. Для изготовления бердышей в провинцию из Москвы поступали «эталонные образцы» [Писарев, 2008. С. 17]. Царской администрацией были регламентированы даже размер древков и наличие втоков-«копейцов» (1656 г.). Программа перевооружения войск находилась под прямым государственным контролем. Так, согласно указу 1660 г., в каждом стрелцком приказе бердышами должны были быть вооружены 200 чел., а в каждом солдатском и драгунском полку – 300 чел. [Летин, 2002. С. 17].

В Западной Сибири в XVII в. так и не был создан крупный центр по производству длиннодревкового ударно-рубящего оружия. Нет сведений и о сколько-нибудь масштабном производстве бердышей местными кузнецами. Таким образом, основная масса бердышей, упомянутых в описях острожных арсеналов, поступила в Сибирь из европейской части страны. Эти поставки не были регулярными и не носили системного характера, в результате чего одни арсеналы насчитывали несколько сотен единиц длиннодревкового ударно-рубящего оружия, а другие не имели их вовсе. Основными потребителями бердышей в Сибири в ходе боевых действий «в поле» были отряды московских стрельцов и солдат, прибывших из европейской России. Однако облик русских отрядов в Зауралье формировали не столько

они, сколько конные и пешие казаки, а также стрельцы сибирских городов и острогов. Последние исходили из специфики местной военно-политической ситуации, насущных тактических задач и соответствующим образом подбирали свой оружейный комплекс.

Главным противником русских войск в степных и лесостепных районах Западной и Южной Сибири была конница тюркских и монгольских кочевников, широко использующая защитное вооружение, саадаки и различные виды длиннодревкового и длиннокликового оружия. В отличие от крымских и ногайских татар, облаченные в панцири и шлемы ойраты («калмыки»), монголы и енисейские кыргызы не гнушались рукопашной схватки, в ходе которой они пытались «копьем смешивать» и «давом давить» немногочисленные русские отряды [Бобров, Худяков, 2008. С. 554, 557, 558, 567–570, 642–644; Бобров и др., 2010. С. 66–67, 166–171, 192–194, 225–230, 234–237]. В этих условиях главным «аргументом» служилых являлось массовое использование ружей и длинных пехотных копий, которые не позволяли степным конным латникам врубаться в русский строй. Вот почему роль длиннодревкового оружия в комплексе вооружения русских в Сибири была исключительно велика. Письменные источники постоянно упоминают копья и рогатины, а отряды служилых на рисунках показаны оцетинившимися длинными пиками. Бердыши же не являлись оптимальным оружием для борьбы с конницей в рукопашной схватке, что подтвердили события Русско-Польской войны 1654–1667 гг. [Писарев, 2008. С. 16]. Но в сражении с пешим противником, использующим короткодревковое и клинковое оружие, они доказали свою эффективность [Там же]. Характерно в связи с этим, что на изображениях Ремезовской летописи бердыши применяются почти исключительно в ходе рукопашной схватки с пешим противником¹. Еще более востребованы были бердыши при обороне крепостей, что объясняет их концентрацию в арсеналах крупнейших сибирских острогов. Таким об-

¹ На некоторых миниатюрах Ремезовской летописи показаны воины, использующие бердыши в конном строю [Сибирские..., 2008. С. 538, 582]. Подобная деталь может являться как художественной условностью, так и оригинальным примером применения длиннодревкового ударно-рубящего оружия русскими всадниками в Западной Сибири.

разом, наибольшую актуальность бердыши имели в таежных районах Западной и Центральной Сибири, а также при обороне крепостей. Что касается Восточной Сибири, то здесь успешным конкурентом бердышей выступили якутские пальмы на длинном древке, позволяющие наносить как рубящие, так и колющие удары, но при этом значительно более легкие и компактные, чем бердыши. Последний фактор играл немаловажную роль в условиях огромных сибирских пространств, вынуждавших служилых совершать переходы в несколько десятков и даже сотен километров. Резкое увеличение запасов бердышей в арсеналах дальневосточных острогов в последней четверти XVII в. обусловлено возрастанием угрозы масштабного военного столкновения с войсками Цинской империи, что подвигло центральную и сибирскую администрацию направить в регион большие запасы вооружения, в состав которого были включены и бердыши².

К сожалению, письменные источники не дают подробного описания применения бердышей в рукопашной схватке в полевом сражении в Сибири, но рисунки Ремезовской летописи компенсируют этот недостаток письменных источников³. Время воинов, вооруженных бердышами, наступало в тот момент, когда рукопашная схватка представлялась неминуемой. Бердышники и сабельщики⁴ выдвигались в первую линию построения, замещая ружейных стрелков, которые отходили на фланги и в глубину строя. Бердыш удерживали двумя руками и наносили им мощные рубящие удары сверху вниз. Чтобы не мешать друг другу и сво-

им товарищам, бердышники нередко выходили вперед и сражались впереди основного строя. Партнерами бердышников выступали пешие копейщики, прикрывавшие их с флангов и наносившие удары длинными копьями из-за их спин. С флангов действия воинов, вооруженных холодным оружием, поддерживали ружейные стрелки. Мощными ударами бердышей русские служилые перерубали древки вражеских копий и вступали в противоборство с воинами противника, вооруженными клинковым оружием. Интересно, что очень схожий тактический прием применяли швейцарцы и ландскнехты XVI в., только место бердышников занимали воины, вооруженные двуручными мечами и алебардами.

Широко распространенное в отечественной литературе мнение о том, что бердыши непременно использовались в качестве подшошка для стрельбы из пищали, собранными нами материалами не подтверждается; об этом нет упоминаний в письменных источниках. В Ремезовской летописи воины, вооруженные бердышами и пищальями, встречаются достаточно часто, однако они никогда не используют бердыш в качестве подшошка. Эксперимент, проведенный А. Е. Писаревым, продемонстрировал, что теоретически такой вариант стрельбы возможен, но при этом неудобен [2008. С. 28, 29].

Комплексный анализ источников свидетельствует, что во второй половине XVII в. служилые люди в Сибири широко использовали длиннодревковое оружие, представленное бердышами и топорками. Большая их часть была изготовлена мастерами европейской части страны. Обеспеченность сибирских гарнизонов бердышами была различной, однако мнение об ограничении ареала распространения бердышей только территорией Западной Сибири неверно, так как достаточно крупные партии бердышей хранились в острогах Восточной Сибири и Дальнего Востока. В то же время широта распространения и значение бердышей в комплексе вооружения сибирских служилых были ниже, чем у их соратников в европейской части страны. Подобная ситуация была обусловлена особенностями снабжения, а главное – спецификой военно-политической ситуации в южных районах Сибири, где главным противником русских выступала панцирная степная конница. Однако при обороне городов и острогов, в столкновении

² Характерно, что если в 1682 г. нерчинские казаки не имели ни одного бердыша [Багрин, 2008. С. 299], то уже в 1684 г. в арсеналах Нерчинска и ближайших острожков хранилось 524 экз. «бердышей и пик» [Елифанов, 1981. С. 78].

³ Е. А. Багрин обратил внимание на то, что образцом для некоторых миниатюр Ремезовской летописи послужили европейские гравюры XVI в. В ряде случаев русскими художниками были заимствованы композиция и отдельные предметы вооружения [2010. С. 69–73]. Однако в целом рисунки Ремезовской летописи достаточно точно отображают исторические реалии Сибири XVII в., что прослеживается в изображении типично русских, татарских и ойратских предметов вооружения и одежды.

⁴ Скорее всего, часть этих воинов составляли те же пищальники (пешие казаки и стрельцы), сменившие на время рукопашной схватки ружье на бердыш или саблю.

ях с пешими ополчениями таежных племен бердыши продолжали сохранять свою актуальность вплоть до конца XVII в.

Список литературы

Багрин Е. А. Нож в культуре холодного оружия русского служилого человека на территории Сибири и Дальнего Востока в XVII веке // *Культура русских в археологических исследованиях.* Омск, 2008. С. 294–307.

Багрин Е. А. Региональные особенности применения огнестрельного оружия в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII веке (по материалам письменных источников) // *Ойкумена. Региональные исследования.* Владивосток, 2009. С. 63–75.

Багрин Е. А. Миниатюры Ремезовской летописи как источник по военному делу русских в Сибири в XVII в. // *Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сб. науч. тр. / Под ред. Н. Г. Артемьевой.* Владивосток, 2010. Вып. 1. С. 69–101.

Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб.: АО «Санкт-Петербург оркестр», 1995. 576 с.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.) / Под ред. В. П. Никонорова. СПб., 2008. 770 с.

Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: Учеб. пособие. Новосибирск, 2010. 288 с.

Богоявленский С. К. Вооружение русских воинов в XVI–XVII вв. // *Исторические записки.* 1938. № 4. С. 258–283.

Винклер П. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX в. М.: Софт-Мастер, 1992. 329 с.

Дополнения к актам историческим. СПб.: Прац, 1857. Т. 6, № 126. 514 с.

Епифанов Г. П. К истории освоения Сибири и Дальнего Востока в XVII в. // *История СССР.* 1981. № 4. С. 70–79.

Историческое описание одежды и вооружения российских войск. М.: Кучково поле, 2008. Ч. 1. 168 с.

Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 106 с.

Летин С. А. XVII столетие. Стрелец // *Империя.* 2002. № 2 (2). С. 12–18.

Марголин С. Л. Вооружение стрелецкого войска // *Тр. ГИМ.* М., 1948. С. 75–90.

Писарев А. Е. Военная одежда и вооружение московских стрельцов. Вопросы обеспечения // *Рейтар.* 2005. № 5 (17). С. 50–62.

Писарев А. Е. Бердыши русской пехоты. Середина – вторая половина XVII века // *Армии и битвы.* 2008. № 9. С. 15–29.

Сборник документов по истории Бурятии, XVII век / Сост. Г. П. Румянцев, С. Б. Окунь. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. 390 с.

Смирнов В. Ю. Вооружение служилых людей Сибири: проблемы и перспективы изучения // *Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока.* Улан-Удэ, 1998. С. 106–107.

Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань: Александрия, 2008. 688 с.

Материал поступил в редколлегию 16.05.2011

L. A. Bobrov

RUSSIAN POLEAXES AND SMALL AXES FROM SIBERIAN MUSEUMS AND THE PROBLEM OF APPLICATION OF LONG-HAFTED STROKING AND SLASHING WEAPONS IN SIBERIA IN THE XVII CENTURY

Poleaxes and small axes from Siberian museums are considered in this entry. These long-hafted axes with crescent- and trapezium-shaped blade entered into the complex of Russian warrior's armaments in Siberia in the XVII century. On the grounds of the complex analysis of material, graphic and written sources the author concludes that the role of poleaxes in the complex of armaments of Russian warriors in the Siberia was lower than in the European part of the country. It was conditioned by the peculiarities of the supply system and by the specific character of the military and political situation in the region. Poleaxes and small axes were mostly claimed during the defense of fortresses and stockade towns, as well as in the course of skirmishes against the infantry of taiga tribes of Siberia. Poleaxes were not efficient enough against the armour-clad cavalry of Oyrats, Yenisei Kyrgyzs and Mongolians.

Keywords: Siberia, XVII century, poleaxe, battle axe, application.